

Бай Циюй, чьи кончики пальцев мелко дрожали, вывел на экране две совместные фотографии.

Но Ли Таогэ ответил отказом.

Причем, едва взглянув на снимки, он без малейших колебаний отверг их.

— Ты уверен? — голос Бай Циюя сорвался на дрожь. — Посмотри еще внимательнее...

Ли Таогэ не слишком хорошо знал подробности той поездки в Циндао, но видел, что психическое состояние Бай Циюя сейчас крайне тяжелое. Чтобы успокоить его подозрения, он еще несколько раз пролистал фотографии и твердо произнес:

— Я уверен. Та женщина, которую я видел у Лао Ма, совершенно точно не эта. Я хорошо запомнил: у Бай Мэй была приятная внешность, но на лбу — огромное родимое пятно, которое сильно бросалось в глаза. Глядя на нее, невольно думалось: как жаль, что это пятно портит такую красоту, без него лицо было бы идеальным.

— А может, она его свела?

Ли Таогэ смягчил голос, стараясь говорить успокаивающе:

— Дело не только в приметах. Женщина на фото явно моложе Бай Мэй. Возможно, из-за тяжелой работы медсестрой, но его жена выглядела минимум на сорок с лишним.

Однако, будь то интуиция или некое ощущение связи между сестрой Бай и Бай Мэй, Бай Циюй не мог отделаться от мысли, что они как-то связаны. Столько мистических событий свалилось на его голову, и нельзя винить его в том, что он стал видеть угрозу в каждом шорохе. Если бы бабушка Ло действительно его не спасла, он бы даже заподозрил, что всё это — очередная насмешка судьбы.

— Бабушка, вы обладаете великой силой, что вы думаете?

Бабушка Ло немного помолчала, а затем позвала:

— Позовите Сяо Си.

Ли Таогэ удивился:

— Зачем звать эту девчонку?

Бабушка Ло щелкнула по уголку желтой бумаги:

— Эта запись приема была сделана бессмертным духом, стоящим за Сяо Си, которого в миру зовут Ху Сяомэй. Она не терпит зла. Как правило, дела, за которые она берется, связаны с нарушением общественной морали.

Когда Ли Симин вошла, ее лицо было чернее тучи.

— Зачем вы меня позвали?

Увидев сидящую в зале бабушку Ло, девушка невольно сменила гнев на милость, ее лицо стало мягким и кокетливым. Она начала тихо жаловаться на прихожан и на то, какой дотошный попался начальник в прокуратуре.

Бай Циюй искоса взглянул на Ли Таогэ. Заметив, что тот абсолютно спокоен и не испытывает никакой неприязни, он слегка выдохнул. Выслушав краткий пересказ бабушки Ло, Ли Симин всё поняла. Она поправила полы длинного халата и села рядом с бабушкой. Многослойные складки одежды веером рассыпались по полу, и под светом семицветных ламп тончайший узор из лис и лунного сияния замерцал холодным блеском чешуи.

Затем она благоговейно взяла пучок благовоний, чиркнула спичкой и с отточенным мастерством начала водить ими по кругу. Ее губы зашептали слова с особой ритмикой:

— Три моря, бессмертные духи, на помощь придите, два бога, гонцы, весть в город несите...

Не прошло и полуминуты, как с благовониями произошли странные метаморфозы. Дым перестал хаотично рассеиваться и сложился в загадочный силуэт. Хотя изображение было абстрактным, Бай Циюй почему-то сразу понял: это лиса. Огромная, разъяренная лиса с оскаленной пастью, воющая на луну.

С самой Ли Симин тоже произошли поразительные перемены. Даже будучи готовым к подобному, Бай Циюй не мог не содрогнуться. Далекие, пронзительные глаза девушки закатились, шея издала неприятный хруст, будто ее сдавливали невидимые руки, и голова неестественно откинулась назад. Ее волосы зашевелились, хотя в комнате не было ветра, а руки судорожно дергались, словно ее душили.

— С ней всё в порядке? — испуганно прошептал Бай Циюй. Увидев, что бабушка Ло слегка покачала головой, он, затаив дыхание, продолжил наблюдать.

Жуткое зрелище продолжалось около полуминуты, после чего всё стихло. Когда Ли Симин открыла глаза, ее аура полностью изменилась. Взгляд стал томным, губы, даже без косметики, казались налитыми кровью, а всегда гордо поднятая голова теперь склонилась в жесте, полном женственности. Казалось бы, мелочи, но перед ним был совершенно другой человек.

Ли Симин окинула всех кокетливым взглядом, схватила пучок благовоний и жадно вдохнула

дым, будто это был самый опасный наркотик в мире.

— Фу-х... хе-хе... — из горла вырвался хрип, похожий на звук старых мехов. Она довольно улыбнулась и пропела:

— Ну, зачем звали эту старушку?

Цинь Гуаньхэ кивнул Бай Циюю. Тот почтительно воскурил благовоние и спросил о деле Бай Мэй. Подумав секунду, Ху Сяомэй ответила:

— Та женщина, ох, была глупа. Ее муж крутил роман с ее родной сестрой. Она знала об этом, но всё равно пыталась его спасти.

Роман... измена?

Сердце Бай Циюя пропустило удар. Он поспешно показал ей фото белокожей девушки:

— Та сестра, о которой вы говорите, — это она?

Ху Сяомэй обрушила на него гром среди ясного неба:

— Ошибки быть не может, я ее помню! Я тогда предупреждала Бай Мэй, чтобы не лезла не в свое дело, иначе потом пожалеет. Что, ты из-за нее пришел? Советую держаться от нее подальше, она тоже не промах, держит при себе злобных демонов...

Она сложила пальцы, и в ее глазах мелькнуло удивление:

— Станный ты малый! Почему ты разделился на двое? Нет... не на двое... Чудеса, просто чудеса!

Остальные с изумлением уставились на Бай Циюя:

— Что она имеет в виду?

Бай Циюй еще не отошел от шокирующей новости, как его настигло новое ошеломляющее откровение:

— Как точно! Мать действительно упоминала, что на УЗИ сначала говорили о двойне, а на десятой неделе обнаружили только одного.

Ли Таогэ кивнул:

— Борьба близнецов в утробе? Случается редко, но бывает.

Ху Сяомэй покачала головой:

— Дело не в этом... он...

Молчавшая до этого бабушка Ло внезапно произнесла строгим голосом:

— К делу.

Ху Сяомэй вздрогнула, опасливо покосилась на бабушку и послушно спрятала всю свою лисью игривость.

— Хорошо, хорошо... не буду болтать лишнего. Не сердитесь...

Бай Циюй почувствовал неладное и взглянул на бабушку. Та излучала такую мощь и величие, что, вероятно, это был сам мастер Цзинцзун. Ху Сяомэй поправила позу и откашлялась:

— Эй, паренек, почему ты хочешь знать об этих сестрах? Я вижу, у тебя с ними нет кровного родства, зато есть кармическая связь...

— Нельзя говорить? — спросил Цинь Гуаньхэ.

— Почему нельзя, просто не понимаю, — нахмурилась Ху Сяомэй. — Мертвецы, какой толк в них разбираться?

Подождите...

— Мертвы?!

— Ты не знал? Ну, теперь знаешь, — надула губы Ху Сяомэй. — Еще что-то? Если нет, то я...

— Нет-нет, — Бай Циюй глубоко вдохнул. — Почему они умерли? Муж Бай Мэй тоже мертв? Тогда...

Поняв, что вопросов слишком много, он взял себя в руки:

— Можете рассказать, с чем именно Бай Мэй приходила к вам тогда?

Ху Сяомэй немного подумала и начала рассказ. Бай Мэй утверждала, что год назад, на праздник Национального дня, она с мужем поехала в Циндао на встречу выпускников. Они были одноклассниками, выпускниками 2002 года, и в школе считались идеальной парой. На встрече все так разошлись, вспоминая молодость, что староста предложил устроить тур по провинции Шаньдун. Бай Мэй была старшей медсестрой, работа была тяжелой, да и пить с бывшими одноклассниками ей было скучно, поэтому она вернулась в Цзиндэ. А Ма Цзянь остался в Циндао. Кто же знал, что через неделю, вернувшись, он начнет вести себя так, будто одержим нечистой силой.

— Но этот Ма Цзянь, как только я увидела его лицо, сразу поняла — бабник! — выругалась Ху Сяомэй. — Врет прямо мне в глаза, а у самого глаза так и бегают! В общем, он точно крутил в Циндао роман, это была не просто встреча выпускников! Я просила ту женщину вспомнить подозрительных лиц, а она не могла! Смешно, но этот подонек еще и обвинил ее в связи с сектой, мол, терпел ее ради детей, а теперь она еще и в суеверия его втягивает, угрожал полицией!

Бай Циюй уцепился за слово:

— Секта? Можно подробнее?

Ху Сяомэй задумалась:

— Говорил что-то про вечную жизнь... я не вникала. Нынешние секты как сетевой маркетинг, везде одно и то же. В общем, сцена была еще та! Я сама ввела подонка в транс, только тогда и узнала правду. Его любовницей была сестра Бай Мэй!

Голова Бай Циюя пошла кругом. Ожидаемое подтверждение ударило по нему с такой силой, что он перестал соображать. Лао Ма и любовница-свояченица... они действительно были участниками той экспедиции. Неудивительно, что он ни с кем не общался — боялся, что проболтается. И неудивительно, что боялся рассказывать Бай Циюю о прошлом — боялся, что тот узнает об измене.

Ху Сяомэй продолжала вспоминать:

— Те любовники неизвестно куда пропадали, от них несло такой вонью... — она поморщилась, словно вспоминая что-то невыносимое. — Честно говоря, не знаю, что они потревожили. Даже мне стало не по себе... Но, к счастью, их можно было спасти. Они не были главной целью, просто нахватались этой заразы. Это как тайфун — города вокруг центра шторма тоже страдают. В общем, я их очистила, и они стали чисты.

— То «нечто»... — Бай Циюй задрожал. — Вы можете сказать, откуда оно?

— Из моря, — не задумываясь ответила Ху Сяомэй. — Смрад, липкая скверна... только морские твари могут так пахнуть.

Так и есть...

Бай Циюй крепко зажмурился:

— Если вы их очистили, почему они всё равно умерли?

Ху Сяомэй усмехнулась:

— Кто ж знает? Я предупреждала: не приближайтесь к этому больше, иначе и десяти меня не хватит. Тогда они благодарили, обещали слушаться. А что было потом — я не ведаю. Не меня же винить? Если вылечил простуду, это не значит, что не заболеешь снова. Сами себя погубили.

— Я понимаю, но как вы думаете, как они умерли?

Ху Сяомэй безразлично поправила волосы:

— Думаю, причина та же. Опять с этим столкнулись.

Картина в голове Бай Циюя прояснилась. Ма Цзянь под предлогом встречи выпускников крутил роман с сестрой Бай Мэй. Оба, выдавая себя за супругов, вместе с другими участниками экспедиции четыре дня и четыре ночи провели в подземных коммуникациях. Когда у Ма Цзяня начались симптомы, Бай Мэй обратилась к Ху Сяомэй. Та раскрыла, что любовница — это сестра, и Бай Мэй, несмотря на ненависть, не смогла бросить ее умирать. Но почему-то они снова соприкоснулись с источником заражения. Судя по времени, когда у Ма Цзяня появились симптомы, всё должно было произойти на днях...

Бай Циюй не знал, радоваться или горевать. Радоваться — потому что источник безумия и смерти найден, это подземные каналы, а не он навлек беду на других. Горевать — потому что число жертв среди участников экспедиции — Ян Юйсэнь, Чэнь Шу, Вэй-гэ, Лао Ма, Бай Мэй и ее сестра — было пугающим.

Разложив всё по полочкам, Бай Циюй заметил логическую нестыковку.

— То есть... сама Бай Мэй не соприкасалась с этим? Почему же она умерла?

Ху Сяомэй закрыла глаза и начала считать:

— Хм? Почему так? — она снова выглядела озадаченной. — Невозможно... Почему я тогда не заметила? Этого не может быть!

Бабушка Ло знаком велела ей успокоиться. Ху Сяомэй в панике посмотрела на нее:

— Мастер Цзинцзун, вы не посмотрите?

Бабушка Ло кивнула. Ху Сяомэй почтительно написала что-то на бумаге и передала ей. Едва взглянув, мастер Цзинцзун безразлично произнесла:

— Мертва. Два года назад.

— Невозможно! — выпалил Ли Таогэ. — Я в прошлом году проходил медосмотр и встретил Бай Мэй, мы... мы даже болтали! — он посмотрел на Ху Сяомэй. — Ты же сказала, что она приходила год назад, после поездки в Циндао! Как она могла умереть два года назад?!

Ху Сяомэй тоже была в замешательстве:

— Да, да... Она была жива, ее судьба сулила долгую жизнь, такая редкость... А поскольку она не была заражена, я не стала приглядываться!

Долгая жизнь? Где-то он уже это слышал. Точно, Чжан Ихэ при первой встрече сказал ему: Ты такой редкий... в смысле, лицо у тебя такое, что сто лет проживешь.

Зачем Чжан Ихэ это сказал?

Бай Циюй невольно вспомнил пустяковую деталь... Его бабушка была суеверной и даже спустя годы жизни в городе ездила в родную деревню, чтобы просить защиты у горного духа Кунду. И их деревня славилась как деревня долгожителей. Неужели защита духа Кунду действительно так сильна?

— Вы видите по моему лицу, что я проживу сто лет? — спросил Бай Циюй.

Ху Сяомэй удивленно кивнула:

— Я хотела сказать это, как только увидела тебя. Твое лицо — настоящее благословение. Но одного лица мало, нужно знать дату рождения.

— Вы хотите сказать, что по лицу нельзя определить судьбу?

Ху Сяомэй, изящно сложив пальцы, объяснила: лицо — это отражение ауры. Если говорят, что

лицо потемнело, значит, человек попал в дурную среду. С кем поведешься, от того и наберешься — крыса из канализации обязательно будет вонять канализацией. Но лицо может меняться: родинки, пластические операции, травмы — всё это меняет структуру. А еще проще — смена обстановки. Поэтому для точности смотрят дату рождения.

Она объяснила, что дата рождения — это четыре столпа, кости души человека, его корень. Можно сказать, код, определяющий твою породу.

— Код определяет корень, лицо показывает ауру... — Бай Циюй начал понимать. — Поэтому для гадания нужно знать дату рождения?

— Почти. Еще имя, пол... — уклончиво ответила Ху Сяомэй. — Это и есть ты. Ты — это всё перечисленное.

Бай Циюй подумал, что это похоже на штрих-код товара или запись в базе данных. Координаты.

Он написал свои данные. Ху Сяомэй прикрыла глаза, щелкнула пальцами, и на ее лице отразилось нескрываемое восхищение. Она начертала на бумаге:

Счастливая жизнь, редкий дар, великие связи с богами.

Это было похоже на то, что говорил дух Цинь Гуаньхэ: над головой свет, под ногами ветер, на пути — покровители. Раньше Бай Циюй, даже будучи атеистом, пришел бы в восторг. Но сейчас это казалось смешным. Да пошло оно всё к черту — счастливая жизнь, великие связи... кому нужна такая удача, пусть забирает!

Он скрыл иронию:

— Вы уверены?

После случая с Бай Мэй Ху Сяомэй не рискнула брать на себя ответственность и попросила мастера Цзинцзун взглянуть. Та кивнула:

— Ошибки нет.

Они заговорили на языке, который никто больше не понимал. Звуки были длинными, мелодичными, словно крики птиц в небе. Даже не понимая смысла, слушатели чувствовали, как проясняется в голове.

Спустя долгое время Ху Сяомэй с обожанием посмотрела на Бай Циюя:

— Твоя судьба и лицо — один на миллион, нет, один на десять миллионов. Слышала, ты пришел к мастеру, потому что зацепил морскую скверну? Странно, как такой человек, как ты, мог навлечь на себя такое? Странно... то существо, кажется, любит тебя до безумия. По логике, в отличие от нас, бессмертных, они никогда не должны испытывать симпатию к людям.

Бай Циюй горько усмехнулся. Он и сам хотел бы знать ответ. Он посмотрел на молчаливую мастер Цзинцзун:

— Это из-за моей судьбы столетней жизни оно меня выбрало? Есть ли для меня спасение?

Мастер Цзинцзун ответила:

— У тебя нет предначертанной смерти, и, на мой взгляд, ты стоишь перед редчайшей возможностью. Ты уверен?

Бай Циюй слушал это с насмешкой. Быть под чьим-то гнетом — само по себе позор, а когда это существо даже не человек! Даже сейчас он не мог понять причину. Биологическое отвращение к межвидовому спариванию заложено в генах. Но если существо, подобное ему, игнорирует это, значит, оно либо безумно, либо ему не нужно размножение. Но для него, Бай Циюя, даже при всей своей внешности, он был лишь муравьем. Будет ли человек спариваться с муравьем? Нет. Будет ли он делать это ради его жизни? Тоже нет.

— Я не жалею, — Бай Циюй вдохнул. — Я хочу спросить лишь одно: существование того существа... эта скверна и безумие — они продолжают губить остальных участников экспедиции, верно?

— Да.

На самом деле, Бай Циюй уже знал ответ. Но почему-то спросил:

— Если бы не я, они бы пострадали?

Два года назад экспедиция искала Тай-суй на горе Баотоу и из-за дележа добычи один погиб. Тай-суй оказался лишь галлюцинацией от ядовитых грибов. Бай Циюй тогда не пошел. Год назад большинство участников собрались в Циндао и столкнулись с нечистью в канализации. Всё указывало на то, что он был лишь «неудачливым участником», а остальные погибли по чистой случайности.

Но он отчетливо слышал слова мастера Цзинцзун:

— Если бы не ты, ничего бы этого не было. Но не вини себя. В конце концов, ты тоже жертва.

Много лет спустя, вспоминая ту ночь, он часто размышлял над словами мастера. Судьба тогда приоткрыла завесу бездны, но он не заметил.

— А теперь скажи, какой результат ты хочешь?

Бай Циюй навсегда запомнил свой ответ и слова мастера.

— Я просто хочу вернуться к обычной жизни, — прошептал он. — Без страха, без отчаяния. Вернуться к прежнему самоуверенному, высокомерному, полному недостатков, но обычному себе.

Мастер Цзинцзун ответила:

— Это уже невозможно. Есть лишь два исхода.

— Какие?

— Первый: сбежать от Него.

Ресницы Бай Циюя дрогнули:

— А второй?

— Убить Его.

Убить Его... умереть... умереть...

(Умоляю, помоги мне... Все, кто унижал меня, все подлые, неблагодарные твари — сдохните...)

— Что ты выберешь?

— Тогда... убьем Его.

Бай Циюй услышал свой голос, словно чужой.

— Если не убью Его, я знаю, даже если сбегу сейчас, страх будет преследовать меня вечно.

Он не знал, почему судьба должна идти по такому пути. Он был так молод, почему столько страданий?

(Убить Его... убить... убить...)

Множество голосов ненависти и скорби нахлынули на него, подавляя разум.

(Вернуть счастливую жизнь! Раз и навсегда, раз и навсегда!!!)

— Да будет так, как ты хочешь.

Голос мастера Цзинцзун прозвучал отовсюду:

— Скверна, не принадлежащая этой земле, посмела посягнуть на нее...

В тот же миг поднялся вихрь, свечи затрепетали, и под сенью статуй божеств зашевелились тени звериных клыков и когтей.

— Двадцать четыре бессмертных рода, слушайте мою волю!

<http://bllate.org/book/18696/1807003>